

Светлана Кинер

ЖИВАЯ РАКУШКА

Светлана Кинер

Живая ракушка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69476644

SelfPub; 2023

Аннотация

Восьмидесятые. Небольшой уральский город. Павел и Катя. В детстве он узнаёт правду об отце. Она теряет родителей. Какой след оставляют трагедии в юных душах? Их судьбы переплетаются. Первая любовь, мечты, планы на будущее. Но лихие девяностые и первая чеченская готовят суровые испытания. Павел на войне, Катя – дома с ребёнком. Разрушит ли одно несправедливое обвинение хрупкое счастье? Как поступят герои? Не потеряют ли себя в страшной мясорубке? Это история о выборе, прощении и, конечно же, о любви.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
Глава 1. Павлик	4
Глава 2. Катенька	9
Глава 3. На море	12
Глава 4. Первая встреча	15
Глава 5. Ракушка	19
Глава 6. Папироска	21
Глава 7. Пионер	25
Глава 8. Отчим	28
Глава 9. Горькая правда	31
Глава 10. Сестренка	35
Глава 11. Незабываемое лето	37
Глава 12. Страшное известие	41
Глава 13. Возвращение	43
Глава 14. Решение	47
Глава 15. Новенькая	52
Глава 16. В пещере	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Светлана Кинер

Живая ракушка

*Дай мне счастье, и я сделаю тебя счастливой.
Ш.Бронте «Джейн Эйр»*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. Павлик

Он родился крупным. Говорят, в отца, которого никогда не видел. Единственное, что от него осталось – книга.

На берегу реки, окруженный со всех сторон лесами и горами, стоял небольшой уральский город N-ск. Жили там обычные советские люди: геологи и шахтеры, врачи и учителя, строители и дворники.

Жизнь каждого как на ладони. Почти все друг о друге знали всё. А если не знали, то находились знакомые, которые рассказывали подробности, и тогда личное становилось общественным. Достоянием или осуждением.

Июнь, 1970 год

В шахтерскую столовую, где уже пять лет после окончания училища работала поваром Валентина Лаптева, зашли четверо незнакомых мужчин. Огляделись по сторонам. Увидев раздачу, громко разговаривая, акая, направились за едой.

– О, опять новенькие приехали в геологоразведочную, – шепнула Валентине помощница Ольга, ставя стопку чистых тарелок рядом с кастрюлей горячего борща.

Валентина, заправив в косынку выбившийся локон русских волос, приготовилась разливать суп.

– А что на второе? – спросил самый высокий, придерживая одной рукой поднос, на котором стояла тарелка с морковным салатом.

– Картофельное пюре, тушеная капуста, котлеты и жареная колбаса, – ответила Валя, подняла взгляд и, встретившись глазами с незнакомцем, утонула в них. Сразу и надолго.

Темно-карие с необычайно густыми ресницами. На открытый широкий лоб падала прядь темных волос. Усы, переходящие в аккуратную бородку. Таким она запомнила Алексея.

Потом четыре романтических месяца: танцы, встречи под луной, обещания вечной любви, рассказы о прекрасной жизни в Москве. Он читал вслух стихи своих любимых поэтов и главы из книги Николая Островского «Как закалялась сталь», которую носил с собой в рюкзаке. Рассказывал, что

имеет какое-то далекое родственное отношение к фамилии главного героя романа. Валя слушала и не могла поверить, что она, двадцатитрехлетняя девушка из провинциального городка, скоро окажется в другом, почти сказочном, мире, который рисовал ей красавец-геолог.

И когда после праздничной демонстрации по случаю 53-й годовщины Октябрьской революции Алексей проводил Валентину до квартиры и остался на ночь, та была на седьмом небе от счастья. Правда, длилось оно недолго.

Через месяц, поняв, что беременна, молодая женщина открылась Алексею. Он сказал: «Съезжу домой, подготовлю стариков к этой новости». И исчез. Навсегда.

Лишь ближе к Новому году с геологоразведочной станции ей передали бумажный сверток с надписью: «Вале Лаптевой». Там лежала уже знакомая книга и короткая записка: «Не ищи меня. Я женат».

Девичьи мечты рухнули, как карточный домик.

В положенный срок 3 августа 1971 года в роддоме города N-ска на свет появился Павлик. Павел Алексеевич Корчагин. Именно так попросила написать в свидетельстве о рождении мать-одиночка.

Павлик рос крепким, здоровым мальчиком. Уже в год Валентина отдала его в ясли. Надо было зарабатывать на жизнь себе и сыну.

«Непутевая», – часто слышала за спиной, проходя мимо

бабулек, которые сидели на скамейке у подъезда и обсуждали частную жизнь соседей. По ночам плакала в подушку. От обиды. От мысли, что она теперь никому не нужна с ребенком. Но наступало утро, и снова: дом, ясли, работа, дом. За этой круговертью женщина перестала себя жалеть.

Потом гнев бабулек сменился на милость, и Валентина стала для них «бедная». А Павлику перепадали карамельки и сушки, когда с мамой возвращался домой.

Когда ему было пять лет, в городе торжественно открылся бассейн со взрослой пятидесятиметровой ванной и одной детской. И ребятишек из детских садов стали водить на плавание.

Паша воды не боялся. Наоборот, чувствовал себя в ней как рыба. Тренер наблюдал за ним и отметил, что у Корчагина есть потенциал. Поэтому, когда мальчику исполнилось шесть, Валентине предложили перевести сына в спортивную секцию.

А вот поведение оставляло желать лучшего. Однажды, возвращаясь с группой детского сада из бассейна, Павлик решил подшутить. Перед ним шла Анжела. В очках. Девочка постоянно его раздражала: то первой брала машинку, которой он хотел поиграть, то вытиралась его полотенцем. И просто ему не нравилась. Павлик подставил Анжеле подножку. Та упала. Очки разбились.

Вечером воспитательница все высказала матери. Дома пациентку влетело по первое число. Мало того, что в углу про-

стоял полтора часа, так еще и на неделю лишился телепередачи «Спокойной ночи, малыши!» – единственного удовольствия детей тех времен.

Было обидно. Конечно, он немного виноват. Но одно Павлик понял точно: девочки в очках – не его компания.

Глава 2. Катенька

Катенька была долгожданным ребенком. Ее родители, Анатолий Иванович и Лариса Степановна, работали в одном конструкторском отделе крупного завода в Свердловске. Он – ведущим инженером, она – рядовым.

Они ничем не выделялись в коллективе технических работников.

Анатолий Иванович носил темный костюм со светлой рубашкой и галстуком, очки в круглой черной оправе. Его соломенного цвета волосы были аккуратно зачесаны на правый пробор.

Лариса Степановна, блондинка со слегка подкрашенными ресницами, предпочитала в одежде расклешенные юбки и вязанные кофточки. На левой руке – часики «Чайка».

Их любовь была тихая, скромная. Никто из сослуживцев даже не заметил, как у обоих на безымянных пальцах в один день появились обручальные кольца. Они не распространялись о своих отношениях, как, впрочем, и о свадьбе.

Шел год, другой, а детей не было. Лариса Степановна думала: «Еще немного подождем, и все получится». Но время бежало, а беременность не наступала. На четвертый год супружества женщина пошла к врачам. Бесконечные обследования, лечения. Но, увы, чуда не происходило. Супруги по-

началу сильно переживали, особенно жена. Потом переключились на себя. Театры, музеи, раз в год – поездка к морю. Когда они совсем расслабились и Лариса перестала думать о проблеме, свершилось!

8 марта 1971 года Анатолий Иванович, как всегда, подарил любимой веточку мимозы и флакончик духов «Красная Москва». Открыв его, женщина почувствовала себя плохо: закружилась голова, к горлу подступила тошнота.

«Наверное, от голода. Я же с утра не ела», – подумала Лариса Степановна.

Праздничный обед состоял из салата столичный, ароматных рижских шпрот и жареной курицы с картошкой. Потом супруги, лежа на диване, смотрели новую телепередачу «А ну-ка, девушки!». Ведущая призывала участниц приготовить из предложенных продуктов какое-нибудь блюдо.

Глядя на экран цветного «Рубина», Лариса опять почувствовала тошноту и не удержалась, побежала в туалет. Весь обед оказался в унитазе. Ее полоскало минут пятнадцать. Муж, не на шутку испугавшись, вызвал скорую. Женщину отвезли в больницу, но ничего страшного не обнаружили. Наоборот. Заключение врача: беременность.

Все девять месяцев Анатолий Иванович сдувал с жены пылинки, не позволяя ничего делать по дому. Ходил в магазины, пылесосил ковер, сам мыл полы. А как только пришло время рожать, растерялся. Когда начались схватки, не сразу

вспомнил номер скорой помощи. Провожая жену в роддом холодной ноябрьской ночью, выскочил на улицу в тапочках. И чуть не сел вместе с супругой в машину. Лариса едва смогла его успокоить, попросив не волноваться.

Ей было тридцать четыре, а ему тридцать девять лет, когда под утро 25 ноября 1971 года родилась их дочка. Катя Львова.

Глава 3. На море

1976 год

Слепящее июльское солнце раскаляло песок. Соленые бирюзовые волны легкими барашками набегали на черноморский берег, выбрасывая миллионы маленьких перламутровых ракушек.

Была самая середина курортного сезона. Среди многочисленных отдыхающих выделялась одна интересная пара. Взрослый со смуглой кожей мужчина в очках и в панаме, сделанной из газеты «Известия», и маленькая девочка, едва загоревшая. Короткие, подстриженные под мальчика рыжие волосики торчали из-под лиловой панамки с котиками.

Они долго собирали у воды ракушки, а потом строили из песка разные фигуры, украшая их морскими драгоценностями.

– Папа, посмотри, какой у меня тортик получился, – сказала Катя, перевернув розовое ведерко и постучав по нему пластмассовым совочком.

– Умница! Дашь папе попробовать? – Анатолий Иванович открыл рот, понарошку откусил кусочек. – У, как вкусно! А маму угостим?

Лариса Степановна в серой шляпе с широкими полями сидела рядом на деревянном стуле-шезлонге и читала книгу.

Катенька, зачерпнув совком порцию песочного торта, подошла к маме, дала сделать «ням-ням» и вернулась к отцу.

– И в кого у вас дочка такая рыженькая? – поинтересовалась с соседнего лежака пышная женщина в сине-белом полосатом купальнике.

Лариса Степановна прервала чтение.

– В дедушку. У него в детстве были рыжеватые волосы.

Через некоторое время соседка, опустив с переносицы солнцезащитные очки и внимательно наблюдая за игрой Анатолия Ивановича с дочкой, отметила:

– Впервые вижу, чтобы отец так играл с ребенком.

Лариса Степановна улыбнулась.

– Муж души в ней не чаёт. Она у нас единственная. Балует дочку. То попугайчика подарит, то котенка. В кукольный театр водит. Вот уже третий год сюда приезжаем. А к бабушке все никак не выберемся. Супруг говорит, что море и солнце полезнее, чем уральское захолустье...

Она замолчала и о чем-то задумалась.

– А сколько вашей? – не унималась женщина.

– Четыре с половиной.

– И уже все звуки выговаривает. Ну надо же!

– Толя с Катюшей занимается: на ночь сказки читает, буквам обучает. А память у нее хорошая, схватывает все на лету.

Катя закончила стряпню, подошла к маме и, вытягивая ее со стула, звонко крикнула, так что любопытная тетя прикрыла уши:

– Мама, папа, пойдёмте в море купаться!

Лариса Степановна отложила книгу, поднялась. Девочка, взяв обоих родителей за руки, радостно поскакала к воде.

Глава 4. Первая встреча

1978 год

Тем летом родители наконец-то поехали в отпуск к бабушке Жене, маминой маме. Та всю жизнь жила в городе Нске и работала фельдшером во взрослой поликлинике.

Сейчас ей было чуть за шестьдесят. Когда-то темно-русые волосы уже наполовину покрыла седина. Коричневым пластмассовым гребешком бабушка зачесывала их на затылок, чтобы не мешали, не лезли на лоб. Карие, слегка подслеповатые глаза, темные ресницы и брови никогда не знали косметики: Евгения Петровна ею не пользовалась. Лишь в редких случаях, в праздники, тонкие губы она слегка подкрашивала алой помадой – подарком дочери на день рождения. На лице и руках виднелись мелкие морщинки.

Бабушка жила в небольшой квартире на третьем этаже сталинки, построенной сразу после войны.

– Бабуля, как я рада, что мы к тебе приехали, – прощепетала шестилетняя Катя на следующее утро по приезде, обнимая бабушку за плечи и присаживаясь к ней на колени. – Я так по тебе скучала! Когда ты приезжала на день рождения, мне было только пять, – и она показала раскрытую ладошку, – а сейчас я во-о-т какая большая!

Девочка распахнула объятия.

– Мне столько надо рассказать!

И она, не замолкая ни на минуту, поведала и о крабиках, которых с папой сушила на море, и о попугайчике, которого пришлось отдать, потому что у нее чесались и слезились глаза. И о том, что в первый класс Катю не хотели брать, так как семь лет будет только в ноябре. Но она, как говорил папа, «стойко выдержала экзамен и доказала, что достойна учиться в советской школе в свои шесть с половиной лет, потому что особенная».

Евгения Петровна молча слушала, улыбалась и радовалась внучке-щебетунье.

– Что тебе еще рассказать, бабуля? – Катя перевела дыхание.

– Отдохни немного. Пока родители ушли по делам, сходи погуляй. Смотри, как солнышко светит. А мне обед надо приготовить.

Двор был тихий, не проходной. Четыре дома, стоявшие буквами «Г» по периметру, как бы отгораживали его от внешнего мира.

Катю уговаривать не пришлось. Девочка быстро обула сандалии, спустилась по лестнице и вышла из прохладного подъезда. Окинула взглядом двор.

Качели. Две песочницы с «грибками», укрывающими детей от яркого июльского солнца. Деревянный столик, покра-

шенный синей краской, а по бокам – две зеленые скамейки. Металлическая горка-слоник.

Катя подошла к одной из песочниц. Незнакомый мальчик что-то лепил. Она заинтересовалась и принялась внимательно его рассматривать.

На вид он был чуть старше Кати. Крепенький, как медвежонок. Черные, слегка взлохмаченные волосы. Руки и ноги – загорелые-загорелые. Он был одет в белую с синим горошком рубашечку с коротким рукавом и голубые шорты. Коричневые сандалии лежали в стороне. Мальчуган возился в песочнице босыми ногами и был так увлечен строительством, что не замечал никого вокруг.

– Можно с тобой поиграть? – смело спросила Катя.

Он оглянулся. Девчонка. Светлая, практически не загорелая. Конопатая. Тонкие, как палки, руки и ноги. Белое платье, желтые, почти до коленок, гольфики и такие же желтые сандалии. Из-под белоснежной панамы выглядывали две куцые рыжие косички с розовыми капроновыми ленточками-бантиками. Широкая улыбка и зеленые глаза смотрели прямо на Павлика.

– Ты же замараешься, – предупредил он белянку.

Катя, недолго думая, сняла сандалики, гольфы и, как дикий котенок, запрыгнула в песочницу.

– Теперь нет. Меня Катя зовут. А тебя?

– Паша.

– А что ты строишь?

– Замок и подземный тоннель. Хочу, чтоб машинка, – он достал из угла песочницы небольшую металлическую игрушку, – могла проезжать глубоко под землей.

– Можно я тебе помогу?

Павлик недоверчиво посмотрел на девочку, но кивнул в ответ. Катя начала руками сгребать песок в большую кучу.

Через час родители, подходя к дому, увидели дочку, ползающей в песочнице. Мама ахнула. Белое платье стало коричневым, на панаме отпечатались грязные пальцы. Катенька увлеченно играла с незнакомым мальчиком.

Глава 5. Ракушка

В последующие две недели Катю не могли дозваться домой. С утра до вечера они с Павликом играли во дворе. Анатолий Иванович выносил им жестяное ведро, до краев наполненное водой, чтобы дети поливали сухой песок и склеивали возводимые дома, замки, дороги и тоннели.

Во время игр Катя узнала, что мальчику скоро исполнится семь лет, и он тоже пойдет в первый класс. Что уже год занимается плаванием. Что его отец-летчик погиб при исполнении служебного долга, как ему рассказывала мама. Что живет он в соседнем дворе, а приходит сюда, потому что здесь тихо и песок хороший.

Ребята подружились. Но отпуск родителей подходил к концу, и надо было возвращаться домой.

Теплым вечером накануне Катиного отъезда они с Пашей сидели на скамейке возле песочницы. Легкий ветерок ласкал их лица в мягких лучах заходящего солнца.

– Когда я вырасту, стану строителем, – Павлик посмотрел на Катю. – А ты?

– Не знаю. Папа говорит, что я должна стать известной. А мама, что это не важно. Что самое главное – быть хорошим человеком, – болтая ногами, ответила девочка.

– А еще я хочу быть сильным и смелым, как мой отец. Хоть я его и не помню, но горжусь им.

Мальчик кашлянул.

– Ты приедешь в следующем году?

– Я бы хотела. Но родители, наверное, опять повезут на юг, раз нынче здесь отдыхаем.

– А я ни разу еще не был на море, – с грустью в голосе сообщил Павлик.

Притихли. Вдруг Катя сорвалась с места, побежала и, обернувшись, крикнула:

– Подожди, я сейчас!

Минут через пять вернулась, прижимая к груди что-то небольшое.

– На! Это тебе. На память.

Она протянула руку, раскрыв кулачок. На ладони лежала песочно-бежевая ракушка размером не больше детского сердечка. Маленький домик. Красивая завитая раковина. Кусочек моря.

– Если приложишь к уху, услышишь, как шепчет море.

Павлик осторожно взял подарок и поднес к уху.

– Ну как? – девочка широко раскрыла глаза.

– Ага, шумит, – он внимательно посмотрел на завиток. – Спасибо. А крапинки, как твои веснушки.

И дети дружно засмеялись.

На следующее утро поезд увозил Катю за тысячи километров от счастливого дошкольного лета.

Глава 6. Папироска

Во втором классе мать нашла у Павлика папироску. Та выпала из школьных брюк, которые он сбросил прямо на пол, вернувшись с уроков. Торопился в бассейн на тренировку. А у Валентины в этот день был выходной, и она устроила большую стирку.

Подняв находку, положила в кухне на подоконник.

«Что же делать? Как отучить от этой заразы?» – размышляла женщина, закладывая хлопчатобумажное постельное белье в стиральную машину «Урал». Насыпала порошок, включила реле времени. Машина заурчала.

Присев на табурет, Валентина начала мысленно перебирать варианты наказания.

Прошло пять минут. Электродвигатель остановился. Щипцами для белья она вытащила пододеяльник. Провернула через валики для отжима. Сбросила в ванну для первого полоскания.

И тут женщину осенило.

Накинув поверх ситцевого халата легкую вязаную кофту, прямо в домашних тапочках Валентина вышла на лестничную клетку. Прикрыла дверь. Поднялась на этаж выше.

Здесь жил дядя Ваня – знатный куряка еще со времен войны. Все соседи уважали его. Он прошел Финскую и Великую

Отечественную, был дважды ранен. Сердечко у него пошаливало, но врачей дядя Ваня не слушал, смолил по-черному.

Валентина постучалась в квартиру. Никто не ответил. Постучалась громче. Приложила ухо к двери и услышала шаркающие шаги. Дверь отворилась. На пороге стоял сухонький старичок в синем трико с вытянутыми коленками.

– Дядя Ваня, выручай, – сказала женщина.

– Чего-сь случилось?

– Пачку папирос надо.

Дед, прищулив один глаз, оценивающе посмотрел на соседку.

– Курить что ли вздумала?

– Не я. Потом расскажу. Есть у тебя?

Дед, почесав затылок, нехотя достал из кармана «Беломорканал».

– На вот. Только уже начатая.

– Ничего, пойдет. Я тебе, дядя Ваня, завтра новую куплю.

Схватив пачку, Валентина вернулась в квартиру.

Когда Паша пришел с тренировки, мать позвала его в кухню.

Она сидела напротив окна и отрешенно смотрела вдаль. На столе лежали одна папироса и пустая банка из-под рыбных консервов.

– Твое? – спросила мать, указав на курево.

Сын молчал.

– Выпало из брюк. Так это твое?

– Да.

– Пробовал?

Молчание.

– Я спрашиваю, курил?

– Да.

– И как? Понравилось?

Тишина.

– Значит, понравилось.

Мать вынула из кармана спички и пачку папирос. Положила на стол перед сыном.

– Доставай и закуривай.

Паша остолбенел. Замотал головой.

– Бери, – скомандовала взбудораженная женщина. – Ну, живо!

Мальчик вытащил одну папироску.

– А теперь зажигай и кури.

– Не буду.

– Будешь! – сверкнула серыми, большими, как у совы, глазами.

Трясущимися руками Павлик чиркнул спичкой. Поджег. Закурил.

Мать сидела и смотрела. Сын хотел после двух-трех затяжек бросить окурочек в консервную банку, но она не позволила.

– Выкуривай до конца, – сказала сурово.

Когда с первой папиросой было покончено, Валентина заставила сына взять вторую, потом третью.

– Я не хочу больше, – проскрипел мальчик.

Но она была неумолима.

– Мы еще не закончили. Хотел курить – пожалуйста!

В глазах женщины стояли слезы. То ли от тяжелого дыма в кухне, то ли от злости на себя за столь суровое наказание.

Паша кашлял. Бледное лицо, синяки под глазами. Руки тряслись, но он докурил. И стал почти зеленым.

– Ну что, хватит? – спросила мать.

– Да, – тихо ответил сын и, шатаясь, вышел из кухни. Но повернул не в комнату, а в туалет.

Его рвало, выворачивало изнутри все легкие. Мальчик думал, что умирает.

Мать быстро открыла форточки, налила сыну воды. Полчаса помогала промывать желудок, чтобы вывести всю гадость. Потом Паша уснул и проспал двенадцать часов.

После этого случая Корчагин никогда больше не курил.

Глава 7. Пионер

21 апреля 1981 года

– Я, Корчагин Павел, вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь горячо любить свою Родину. Жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия. Всегда выполнять Законы пионеров Советского Союза, – громко произносил третьеклассник на линейке накануне дня рождения вождя революции.

А через неделю на одной из перемен Корчагин подговорил четверых одноклассников идти после уроков в церковь. Клад искать.

– Ты что, Марьиванна узнает, родителей в школу затаскает, – прошептал, оглядываясь по сторонам, хорошист Славка Подгорный, командир их бывшей октябрятской звездочки.

– И из пионеров сразу исключат, – добавила белобрысая Светка.

– Не узнают. Если никто не сдаст, – поставил точку в разговоре Пашка и прищуренным взглядом обвел остальных.

Тихоня Наташа и санитарка Вера дружно замотали головами. Могила.

Храм располагался на въезде в город. Старики рассказывали, что после революции главный колокол сбросили, а иконы, серебряное и золотое убранство церкви безвозвратно исчезли. После войны здесь размещался склад, клуб. Затем, пока не построили общежитие, жили геологи. Теперь же храм стоял заброшенный.

Через заколоченные двери пройти было невозможно. Но ребята нашли лазейку и, бросив портфели в темный закопченный угол здания, стали осматривать и простукивать стены. Прошел час. Однако ничего кроме надписи «Саша + Таня», разбитой бутылки-чебурашки да паутины не обнаружили.

На колокольню вела полуобвалившаяся деревянная лестница. Пашка, недолго думая, стал подниматься. Он всегда стремился быть первым. Страху не знал. Следом пошел Славка. Третьей – Верка.

Ступеньки скрипели. Вдруг одна сломалась под левой ногой Славика, и тот провалился по колено. Корчагин среагировал мгновенно: ухватил друга за руку и помог выбраться. Две девочки, не успевшие еще зайти на лестницу, ахнули и остались стоять внизу.

– Мы не пойдем, – чуть не плача, проговорила Наташа.

– Эх вы, трусихи! Мы же пионеры, всегда должны быть первыми, – отважно произнес Пашка и стал взбираться выше.

Через минуту троица стояла на колокольне.

Перед взором ребят открылась красота родного края. С одной стороны – берег извилистой реки, куда летом они бежали купаться и ловить рыбу, подвесной мостик, деревянные дома, вьющийся легкий дымок из труб. А с другой – лес и горы, на фоне которых виднелся башенный подъемный кран и котлован.

Глядя на начинающееся строительство нового микрорайона, Пашка подумал: «Я тоже когда-нибудь построю дом». Стать строителем была его главная мечта.

Глава 8. Отчим

Сентябрь, 1981 год

С самого рождения Паша жил с матерью в однокомнатной квартире в хрущевке. Комнатка была небольшая, но на двоих места хватало. Письменный стол, Пашина кровать, полированный шкаф для белья и посуды, серый диван Валентины Андреевны, старенький телевизор да пара деревянных стульев – вот и вся обстановка.

Женщина шестнадцать лет работала в столовой при шахте. После трудового дня сразу же возвращалась домой и готовила еду, прибиралась. Павлик перешел в четвертый класс. Новые учителя, предметы. Новые впечатления. Успехи в бассейне. Жизнь в их маленькой семье текла тихо и мирно.

Но однажды, вернувшись из школы, Паша застал в квартире незнакомого мужчину. Тот сидел за кухонным столом. С хрустом жевал луковицу и поедал борщ, который мать сварила накануне.

Сальные лохматые волосы не могли прикрыть больших оттопыренных ушей.

– Присоединяйся, малец, – прогнусавил незнакомец, подмигивая лисьим глазом. – Отменная похлебка, – добавил он и похлопал по бедру сидевшую рядом Валентину Андреевну.

Стоя на пороге кухни, Паша посмотрел на мать. Нахмурил брови. Ее щеки пылали, а сама она теребила клеенчатую скатерть, то сворачивая, то разворачивая краешек в трубочку.

– Павлик, это дядя Коля. Он будет у нас жить, – как бы извиняясь, сообщила Валентина Андреевна. – Тебе супчика налить?

Паша был голодный, да и борщом вкусно пахло, но аппетит от такой новости пропал.

– Не хочу, – буркнул он, развернулся и, захватив из прихожей портфель, пошел в комнату делать уроки.

– С характером у тебя сынок. Ниче, привыкнет, – услышал мальчик гогочущего на всю квартиру дядю Колю.

Через три месяца Паша увидел на щеке матери синяк. На вопрос «Что случилось?» та ответила, что ударилась на работе. Он не придал этому значения.

Потом в доме появилась водка. Бутылка. Две. Дядя Коля, который работал сантехником в местном ЖЭКе, с ее помощью разгружался после тяжелого трудового дня. И начинались «концерты».

Мать включала громче телевизор, чтоб соседи через тонкие стены не слышали пьяных воплей и причитаний.

– Валька, че он на меня смотрит? – заплетающимся языком бубнил отчим. – Я че, ему не нравлюсь? – И он рывком пытался встать с дивана.

Мать двумя руками удерживала разбушевавшегося и, пе-

рекриктивная дикторшу «Новостей», советовала Павлику пойти погулять. Когда сын возвращался, дядя Коля обычно спал.

Правда, выпадали и спокойные недели.

А потом мать начала полнеть. И в один весенний день Паша узнал, что скоро у него появится братик или сестренка. От этого известия мальчику было ни холодно, ни жарко. Никак. Но Паша заметил, что отчим как будто меньше стал пить. Валентина Андреевна в свободное время шила пеленки, кроила чепчики и распашонки. Так и жили.

Глава 9. Горькая правда

1982 год

Это случилось в конце апреля. Валентина Андреевна ушла в магазин за продуктами. Отчим еще не вернулся с работы. Тренировки в бассейне у Павла не было, и он рисовал стенгазету к Первомаю.

Лет в десять у мальчика неожиданно проявились художественные способности – стал создавать дружеские шаржи на одноклассников на задних обложках школьных тетрадей. Классная руководительница, заметив «наскальные рисунки», определила Корчагина в редколлегию класса.

И вот теперь Паша разложился на полу с ватманом и красками и, слушая радиопередачу «Ровесники», старательно выводил поздравительные надписи. Стенгазету надо было принести самое позднее послезавтра.

«Московское время: семнадцать часов», – объявило радио монотонным женским голосом.

Вдруг Паша услышал, что в замочную скважину кто-то сует ключ, но попасть не может. В дверь затарабанили. Мальчик отложил кисточку в банку с водой, выключил радиоприемник, подошел к двери и открыл. Полупьяный отчим ввалился в прихожую.

– Где мать? – не снимая грязных ботинок, тот прошел в кухню.

Павел не ответил, вернулся рисовать. Через минуту дядя Коля с граненым стаканом и открытой бутылкой уже сидел на стуле в комнате напротив мальчика.

– Че молчишь? Я тебя спросил, где мать. А когда отец спрашивает, надо отвечать!

Отчим матерно выругался.

– Вы мне не отец, – резко бросил Павел и добавил:
– Жаль, что он погиб.

– Да кто тебе сказал, что погиб? – отхлебнул полстакана. – Мать? Да ты ее слушай больше!

Снова мат.

Рука с кистью замерла. Сидя на полу, мальчик весь превратился в слух.

– Нагуляла тебя, а потом рассказала красивую историю об отце-летчике. Ой, не могу! – отчим загоготал, выставя напоказ желто-коричневые зубы, и допил остатки.

– Врете! – процедил Паша.

Отчим булькнул очередную порцию. Поставил бутылку на пол. Настроение у него было приподнятое. Держа в правой руке стакан, локтями оперся на колени, согнулся и, глядя на ребенка мутными глазами, медленно проговорил:

– А ты у матери спроси. Вон. Идет, – услышав скрип открывающейся двери, заговорщически подмигнул.

Действительно, в это время Валентина Андреевна, нагру-

жившись авоськами, заходила в квартиру.

Паша вскочил, подбежал к матери и выкрикнул ей в лицо:

– Это правда?

Та, не понимая, о чем речь, спросила:

– Что случилось?

– Это правда, что мой отец не летчик и не погиб?

Мать ахнула, перевела взгляд на сожителя и прижалась спиной к стене. Потом, как бы опомнившись, что-то невнятно пролепетала. Но Паша не слушал. Злость, ярость разлились по телу, захватив мозг. Человека, на которого он хотел быть похожим, не существовало. Все, во что он верил, к чему стремился, оказалось обычной ложью. Материнской ложью. И от этого было больно вдвойне.

– Ненавижу! – сорвалось с губ.

Сжимая кулаки, с отвращением глядя на выпячивающийся, словно грыжа, живот, рванулся с места, чуть не сбив мать. Схватил кеды. Сдернул с крючка пиджак, оборвав петельку. Издав дикий рык, распахнул и с оглушительным треском захлопнул за собой входную дверь. И, как был в носках, побежал вниз по ступенькам, перепрыгивая через две. Между первым и вторым этажом остановился. Горечь жгла. Сел. Надел кеды. Встал. Стиснул зубы. Спустился вниз. Мокрая пелена застилала глаза. Пнул дверь подъезда. Вышел на улицу.

Сутки мать его не видела. Где находился и что делал, никто так и не узнал.

Грязный, голодный, с не по-детски серьезными глазами сидел Павел возле своей квартиры. Сейчас он был спокоен, и лишь обгрызенные до основания ногти выдавали недавно клокотавшую внутри бурю.

Вскоре появилась Валентина Андреевна.

– Паша, где ты был?

Он не ответил. Молча зашел домой, умылся. Молча съел предложенный ужин. Также молча дорисовал стенгазету и лег спать.

Глава 10. Сестренка

– Корчагин, почему пропустил занятия? – спросил на следующий день тренер в бассейне.

– Так получилось. Больше не повторится, – со стальными нотками в голосе ответил Павел. – Слово даю.

И сдержал. Дважды в день, утром и вечером. Май, июнь – словно оловянный солдатик ходил на тренировки.

Начались летние каникулы. Паша почти весь день проводил на улице с мальчишками из соседних домов. Палки-банки, ножички, нагонялы. Часто заглядывал на спортивную площадку школьного двора: подтягивался на турнике, качал пресс. Домой забегал только пообедать, поужинать. Отчима видеть не хотел. С матерью разговаривал мало.

«Спасибо», «пожалуйста», «пока», «я гулять» – короткие фразы, будто аптечные порошки, выдавались Валентине Андреевне.

«Перебесится», – успокаивала себя женщина.

Паша подрос, загорел, окреп.

Середина июля принесла жару, грозы и плачущего младенца – сестру Галю. Крохотный сверток с розовой ленточкой оставил Павла равнодушным.

У Валентины Андреевны молока, по-видимому, не хвата-

ло, и дочка постоянно и натужно плакала. Женщина поила ее водичкой, выдерживая три часа между кормлениями, но девочка успокаивалась минут на пятнадцать, а потом снова капризничала.

– Сколько можно слушать этот писк? – злился отчим, когда находился дома, и нецензурно выражался.

Пришедшая из детской поликлиники патронажная сестра выписала для малютки рецепт на молочную кухню, и мать дала Паше поручение ходить на раздаточный пункт, получать питание для сестреники.

За оставшиеся полтора месяца лета Валентина Андреевна осунулась, под глазами появились синяки. И не только от недосыпа. Павел это заметил.

– Что с глазом? Он тебя бьет? – спросил однажды, поставив три бутылочки кефира на стол.

– Что ты, сынок. Это я в кухне поскользнулась, когда пол мыла, и о батареею ударилась, – ответила Валентина Андреевна, отвернувшись.

Сын не поверил. Но промолчал.

Глава 11. Незабываемое лето

1982 год

Катя училась на отлично, много читала, участвовала в школьных и городских олимпиадах, всегда занимала призовые места. С легкостью давался английский язык. Была гордостью класса и школы. Активисткой.

Поэтому не случайно после четвертого класса Катю Львову наградили путевкой в Артек, куда в августе она и отправилась отдыхать.

На Урале последний летний месяц выдался сухим и жарким. Асфальт плавился под ногами. Жители большого города изнывали от духоты в «муравейниках». Гроза! Была нужна гроза.

Возвращаясь с работы, Лариса Степановна вытащила из почтового ящика весточку от дочери. Писать родителям девочка очень любила. Женщина поднялась в душную квартиру и сразу же распечатала конверт.

«Здравствуйте, мама и папа!»

У меня все хорошо, даже замечательно. Здесь так здорово! Везде сады с деревьями и цветами, извилистые дорожки, которые ведут к морю, невероятные корпуса. В нашей

палате балкон с видом на Черное море. Такая красота!

Когда приехала, выдали артековскую пионерскую форму: синюю пилотку, белую блузку, голубую юбку.

У меня много друзей. Перед сном болтаем, не можем уснуть. Пионервожатая даже шикает на нас, мы сначала затихаем, притворяемся, что спим, а потом снова шепчемся.

Каждый день проходят мероприятия: линейка, пионербол, концерты. В соревнованиях по плаванию я не участвую. Скоро праздник Нептуна, и мы придумываем сценарий. Скушать не приходится.

Недавно писали на тетрадных листочках свою самую заветную мечту. Вложили пожелания в пустые зеленые бутылки, закупорили пробками и залили воском – пришлось расплавить много свечей. Потом вместе с вожатыми и воспитателем на катере вышли в море и закинули бутылки в воду.

Я загадала: когда вырасту, буду учить детей английскому языку, чтобы школьники всего мира могли писать друг другу письма, дружить, чтобы никогда не было войны.

Мы поем песни, танцуем, рисуем.

А позавчера высаживали кипарисы. Представляете, эти маленькие деревья через десять лет станут выше меня в четыре раза!

Мама, папа, это самое незабываемое лето! Я вас очень люблю. Скоро увидимся.

Кстати, когда ездили на экскурсию, нашла необычную ракушку. Привезу домой в нашу коллекцию. Вам точно понравится.

Целую крепко. Катя».

До возвращения дочери из Артека оставалось семь дней, и Лариса Степановна с мужем решили съездить в Н-ск, навестить Евгению Петровну.

– Сделаем сюрприз. Телеграмму не будем маме давать, – сказала супруга.

Они взяли на работе неделю в счет отпуска, собрали небольшой чемодан и купили билеты на ближайший поезд. В полночь вышли на станции. Оставалось только добраться до городка.

– Темнота-то какая, – заметила Лариса. – А звезд на небе, как песчинок в море. Посмотри, Толя!

Муж поднял голову, поправил очки.

– Да, красота и тишина. Отдохнем недельку, потом Катюшку встретим, – огляделся по сторонам.

На перроне Львовы были одни. Возле станционного домика стоял красный «Москвич», в котором кто-то сидел.

– До города довезете? – поинтересовался Анатолий Иванович, постучав по стеклу.

– Конечно. Долетим за полчаса.

Положив вещи в багажник, Катины родители сели на заднее сиденье. Водитель завел мотор. Тронулся.

Дорога от станции до города была километров сорок, не больше. По обеим сторонам глухим забором тянулся лес. Шофер уверенно крутил баранку. Встречных автомобилей не попадалось: поздно. Под монотонность темной ночной дороги Львовы задремали, зная, что скоро будут на месте.

Все произошло мгновенно. Выскочив из-за очередного поворота на огромной скорости, «Москвич» налетел на стоявший на проезжей части груженный лесовоз, габаритные огни которого не горели. Вершины хлыстов деревьев, свисавшие с прицепа, словно острые шиловидные пики пробили лобовое стекло и прошли сквозь машину, изуродовав человеческие тела.

Водитель и отец Кати погибли сразу. Лариса Степановна была еще жива, когда спустя час приехала скорая, но в приемном покое женское тело накрыли белой больничной простыней. Навсегда.

Девятнадцатого августа над маленьким уральским городом поднялась кровавая заря.

А вечером следующего дня в квартиру Евгении Петровны постучали.

Глава 12. Страшное известие

Женщина сидела на диване в тихой уютной комнате и читала свежий номер «Здоровья». Легкий ветерок с форточки едва шевелил белоснежный тюль, прикрывавший окно. Посреди комнаты – круглый стол. Желтая плюшевая скатерть с бахромой. Фарфоровая вазочка с астрами. Конфетница. Мягкий свет от люстры падал на картину Левитана «Золотая осень», которая висела на стене.

Неожиданно раздался громкий стук в дверь. Евгения Петровна посмотрела из-под очков на часы с кукушкой. Десять пятнадцать пятьдесят пять. Убрала журнал в сторону, поднялась.

«Кто бы это?» – она сняла очки и, аккуратно положив их на стол, пошла в прихожую.

Половицы закрипели под ногами, будто умоляли: «Стой, не ходи!»

Сбросила дверную цепочку и дважды повернула ключ в замке. На лестничной клетке увидела незнакомца в милицмейской форме.

– Здравствуйте. Лейтенант Акимов, ваш участковый, – милиционер показал удостоверение. – Вы – гражданка Стоянова Евгения Петровна?

– Да.

– Лариса Степановна Львова – ваша дочь?

Пожилая женщина кивнула. Дальше все, как в тумане...

Родителей Кати хоронили в закрытых гробах. На кладбище поддержать фельдшера пришел почти весь персонал поликлиники. Город маленький, плохие вести разносились быстро. Накрапывал мелкий дождь. Звучали скорбные речи. Музыки не было. И слез у шестидесяти шестилетней женщины тоже. Говорят, так бывает. Ссутулившись от горя, Евгения Петровна молча переносила жестокий удар судьбы. Потеряв в Великую Отечественную мужа, работая в госпитале, она видела смерть. Но то была война. Теперь же не понимала: почему? за что? как жить дальше? На всем белом свете у нее оставалась только одна кровиночка – внучка.

Когда Львовых опустили на два метра, небо разразилось крупными каплями. Евгения Петровна зарыдала.

А вот Катя еще ничего не знала.

Глава 13. Возвращение

Задорная артековская песня разносилась по плацкартному вагону, медленно подъезжавшему к вокзалу уральской столицы. В девичьем многоголосье слышалось звонкое сопрано Кати Львовой.

Несмотря на тучи за окном, настроение у всех было приподнятым. Пионерское лето заканчивалось, но дружба, завязавшаяся на берегу Черного моря, продолжалась. Девочки успевали пожимать друг другу руки и поправлять выбившиеся из косичек прядки. А потом прильнули к стеклам, чтобы увидеть своих родных.

На перроне было многолюдно.

Катя, веселая и загорелая, с нетерпением ждала остановки поезда. Еще несколько мгновений, и она встретится с мамой и папой. Как же она соскучилась! Сколько всего надо рассказать!

Локомотив затормозил, остановился, и проводница открыла, наконец, тамбурные двери. Подхватив чемодан, Катя одной из первых вслед за воспитательницей выскочила из вагона. Огляделась, но родителей почему-то не обнаружила.

Подружки уходили одна за другой, а Катя глазами искала среди толпы родные лица.

Прошло минут двадцать. Перрон потихоньку опустел.

– Где же твои родители, Катя? – воспитательница посмотрела на часы.

– Не знаю, Антонина Михайловна. Обычно они не опаздывают.

Девочка озиралась по сторонам и вдруг вдалеке заметила до боли знакомую походку.

– Бабушка! – крикнула Катя и, оставив возле воспитательницы чемодан, с радостью бросилась навстречу Евгении Петровне.

Но чем ближе она подбегала, тем тревожнее становилось на душе. Бабушка шла медленно, будто несла непомерно тяжелый груз. Остановившись в полуметре от нее, девочка только сейчас заметила, что та вся в черном: черная юбка, черная кофта, черный платок на голове. Да и лицо у бабушки как будто почернело.

– Что случилось? – только и смогла вымолвить внучка.

– Катенька, деточка... – бабушка словно под пыткой произносила слова. – Мама и папа... Они погибли.

Катя замотала головой.

– Нет!

Перед глазами все поплыло, ноги подкосились, и она упала в обморок.

Два дня девочка пролежала без сил в своей тихой, мертвой квартире, не издав ни единого звука.

Бабушка беспокоилась: внучка, всегда такая живая и раз-

говорчивая, теперь, словно пластмассовая кукла без эмоций, уставилась в потолок и ничего не хотела. Ни есть, ни пить, ни жить.

Вызванный на дом детский врач никакого заболевания не обнаружил.

– Это шок, – сказал он Евгении Петровне после долгого осмотра. – Вы же сами фельдшер. Знаете. Время лечит.

Бабушка все эти дни сидела в кресле рядом с Катиной кроватью, боясь хоть на минутку отлучиться.

На третий день к вечеру Катя тихо позвала:

– Бабушка...

– Да, Катенька, я здесь, – Евгения Петровна подошла и села рядом.

– Я должна к ним поехать. К маме и папе. Они ждут меня... Я должна им рассказать. Я забыла... Я привезла им подарок.

По щеке катилась слеза.

– Обязательно, Катюша. Только сначала надо покушать немного куриного бульончика. Чтобы у тебя силы были, – Евгения Петровна погладила внучку по голове и нежно поцеловала.

– Хорошо, бабушка.

Катя оцепеневшая стояла возле могилы. С черно-белых овалов на нее смотрели улыбающиеся родители. Казалось, сейчас они спросят: «Как дела, Катюшка?», а потом распах-

нут объятия и прижмут к себе крепко-крепко. Именно такой рисовала она в своем воображении встречу после пионерского лагеря. Но было тихо. Лишь слышался шелест березовых листьев на ветру да одинокий стук дятла вдалеке.

Катя опустилась на колени, держа в руках артековскую ракушку.

– Папочка, посмотри, какая она красивая. Помнишь, ты обещал, что мы сделаем маме на день рождения волшебную композицию из ракушек? Как же так?

Подбородок задрожал, уголки рта поплыли вниз.

– Мама, как теперь жить?

И девочка горько заплакала.

Глава 14. Решение

Сентябрь выдался мрачным. Ни бархатного солнца, ни позолоты на листьях, ни тепла. Прогнозы синоптиков оказались ложными. Дождь моросил постоянно, как не закрытый до конца душ в ванной хрущевки.

Паша Корчагин пошел в пятый класс. Долгие прогулки по улице, даже в сырость, да посещение любимой секции были главными радостями потихоньку взрослеющего подростка. С матерью же отношения оставались сложными. Но в помощи он не отказывал. Забирал с молочной кухни питание для двухмесячной Гали, к которой не испытывал никаких братских чувств, ходил в магазин за хлебом, выносил мусор.

В середине месяца под вечер отчим явился пьяный. Как был в мокрой заляпанной одежде, прошел в комнату, завалялся на диван.

– Коля, разденься, здесь же маленький ребенок, – умоляюще сказала Валентина Андреевна, снимая с него грязную куртку.

– Отстань, – отмахнулся тот, – надоела.

Кое-как стянув с сожителя штаны, женщина перекатила полусонное тело к стене. Некоторое время слышалось мычание, потом все стихло.

Мать с сыном молча поужинали. Валентина Андреевна покормила дочку, уложила в кроватку, сама пошла стирать пеленки. Паша сделал уроки, лег спать.

Ночь. В тесной комнате темно и тихо. Слышалось только размеренное движение секундной стрелки часов на стене. Тик. Тик. Тик. Тик.

Вдруг малышка начала кряхтеть, попискивать, словно котенок. Женщина открыла глаза, поднялась, включила торшер. Перепеленала, покачала. Спустя пятнадцать минут Галя разразилась плачем. Проснулся Паша. И отчим тоже.

– Закрой ей рот, – рявкнул тот несвязно.

Младенец не успокаивался. Мужчина сполз с дивана и, шатаясь, побрел в кухню. Было слышно, как открылся холодильник. Там стояла дежурная бутылка. Когда отчим вернулся, в комнате запахло перегаром.

Мать трясла сестренку-дюймовочку на руках. В тишине ночи детский плач надрывно разносился по квартире. Валентина Андреевна присела на диван, пытаясь дать ребенку грудь.

– Заткни ее или я сам заткну, – заорал сожитель и со всей силы замахнулся.

Прикрывая собой малышку, женщина приняла удар. Тяжелый кулак попал в ухо.

Паша соскочил с кровати, подбежал и резко толкнул дебошира.

– Не тронь мать, гад!

Тот не ожидал нападения и свалился на пол. Разъярился еще больше.

– На меня? Ты, недоносок! Да я тебя... – качаясь, поднялся. – Да как ты смеешь, ублюдок?

Женщина приложила одну руку к уху, другой держала плачущую дочку.

– Коля, не надо! – закричала она.

Паша встал между матерью и отчимом. Сжал кулаки. Крикнул:

– Не подходи!

Отчим с глазами, налитыми кровью, как у быка, шагнул вперед, схватил мальчика за шею. Паша отбивался, но сил не хватало.

– А-а-а, – завопила мать, – убивают!

Валентина Андреевна положила орущую дочку в кроватку, подбежала к входной двери, открыла ее и на весь подъезд закричала:

– Помогите! Милиция!

Оставила дверь нараспашку, метнулась в комнату.

Сожитель жестоко избивал сына. Она орлицей налетела и стала отдиравать железные мужские руки от одиннадцатилетнего подростка.

К счастью, соседи оказались расторопными. Кто-то вызвал милицию, кто-то – скорую, кто-то отправил своего мужа на подмогу. Жители дома запомнили эту ночь надолго.

Когда дежурный наряд увел отчима, а фельдшер, убедившись, что переломов у мальчика нет, дал рекомендации по носовому кровотечению и уехал, все стихло. Будто ничего и не было.

Сестренка успокоилась и мирно посапывала. Лишь Паша сидел на кровати в разорванной майке, с синяком под глазом, опухшей нижней губой и засохшей кровью под носом. Мать подошла к сыну, пристроилась рядом и, крепко обняв, прошептала:

– Пашенька, сынок, прости меня.

Он не отстранился, хотя внутри кипело. Отчаяние. Злость. Но обида была уже не на мать. На себя. Мальчик повернулся, уткнулся ей в плечо, обнял в ответ и заплакал.

– Мама, и ты прости.

Это были слезы очищения. Сбросив тяжелый душевный груз, который носил в себе с момента последней ссоры, Паша почувствовал легкость.

– Я не смог защитить тебя... От него.

– Смог. Ты молодец и...

Паша перебил:

– Мама, неужели ты хочешь, чтобы он вернулся? – вытирая щеку кулаком, мальчик посмотрел на мать.

Та молчала.

– Мы проживем и без него, вот увидишь, – взял ее за руку.

Женщина перевела взгляд с сына на маленькую дочку. Паша поймал движение маминых глаз.

– Не волнуйся. Я буду тебе помогать с Галей. Только не пускай сюда этого гада. Я ведь взрослый. Все понимаю. Я буду мужчиной в доме.

Валентина Андреевна не ответила. Видимо, о чем-то думала.

– Давай ложиться спать, – устало сказала она и поцеловала сына. Переодела ему майку, аккуратно вытерла кровь, укрыла одеялом и выключила свет.

Паша уснул не сразу – вспоминались сцены ужасной ночи. «Когда вырасту, я не стану ни как отец, ни как отчим, – словно давая себе клятву, тихо шептал мальчик. – У меня будет другая жизнь, и я никогда не обижу жену».

Веки становились тяжелыми, а мысли туманными.

Спустя десять минут Паша спал. А Валентина Андреевна снова плакала в подушку. Она тоже приняла решение.

Через неделю жили втроем: мать, сын и дочь.

Глава 15. Новенькая

В начале октября стояла теплая солнечная погода. Будто золотая осень, заблудившаяся в сентябре, купила билет и запрыгнула в последний вагон. На переменах школьников тянуло на улицу: играли в классики и выше ноги от земли. Но строгий звонок вновь собирал за парты, и ребята окунались в древний мир и множества натуральных чисел.

В пятом «Б» шел урок литературы. Вела его классная руководительница Ольга Васильевна.

Это была немного чудаковатая женщина. Постоянно читала стихи великих русских поэтов и придерживалась мнения, что «не любить Пушкина и Толстого равносильно предательству Родины». Не имея собственных детей, учительница всю себя отдавала школе и литературе. Вот и сегодня ее слегка выпученные, почти прозрачные глаза смотрели на портреты поэтов и писателей, которые были расставлены на полках шкафов позади парт, а Ольга Васильевна нараспев декламировала:

*Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.*

Вдруг дверь открылась, и в кабинет вошла директор с незнакомой девочкой. Класс дружно встал.

– Здравствуйте, ребята! Садитесь.

По-матерински обняв школьницу за плечи, она представила:

– Знакомьтесь, это Катя Львова. Будет учиться с вами. Катя немного задержалась, – на этих словах голос Зои Ивановны стал чуть тише, – но думаю, – она добрым взглядом обвела учеников и продолжила, – вы поможете освоиться ей. Тем более, Катя – отличница.

Сидевшая на четвертой парте в среднем ряду белобрысая девочка состроила кислую мину.

Все рассматривали новенькую.

Коричневое школьное платье с аккуратно пришитыми белыми гипюровыми манжетами и воротничком. Черный фартук с крылышками на плечах. Красный пионерский галстук. Бежевые хлопчатобумажные колготки гармошкой собрались на коленках. Лакированные черные туфельки с застежками по бокам. Черные банты.

Обычная советская школьница. Неприметная. Разве что цвет волос, собранных в два хвостика, отличал девочку от остальных детей. Огненно-рыжий.

Говорят, рыжие – счастливые, но по лицу незнакомки это было незаметно. Глаза цвета подсушенной полыни смотрели куда-то вдаль, не замечая ребят. Словно девочку вырвали из

какого-то своего мира и насильно поместили сюда – в эту школу и этот класс.

Белобрысая оценивающе взглянула на темно-оранжевый портфель, который держала в руках вновь прибывшая. «Дорогой, наверное. В нашем городе такие точно не продают», – с завистью подумала она.

– Ольга Васильевна, я вас оставляю. Принимайте, – директор погладила Львову по плечу и направилась к двери.

Дети встали.

– Катя, садись к Корчагину, пока Иванова болеет, – классная руководительница указала на свободное место третьей парты у окна.

Девочка тихо прошла, села, повесила портфель на крючок. Учительница продолжила вести урок. Некоторые ребята следили за Катей. Вот она расстегнула застёжку, вытащила пенал, тетрадь и дневник. Паша краем глаза тоже наблюдал за соседкой: лицо показалось знакомым.

Потом девочка, будто опомнившись, наклонилась и достала из портфеля что-то красное, пластмассовое.

«О нет, – увидел Павел. – Футляр для очков!» Он сразу вспомнил детский сад, Анжелу и недельное наказание.

А Катя надела очки и стала слушать учителя.

«И почему мне так не везет?» – вопрошал мальчик.

После уроков Корчагин подошел к классному руководителю.

– Ольга Васильевна, я же с Ивановой сижу. Зачем ко мне новенькую посадили? Вон у Славки Подгорного тоже свободное место.

– Паша, чем ты недоволен? Катя – отличница, в Артеке, между прочим, побывала. Английский изучает. А у тебя по литературе и иностранному пробелы. Вот и бери пример. Четверть посидите вместе, там посмотрим. А за Иванову не беспокойся. Выйдет – сядет с Подгорным.

Паша молчал. Да и что он мог сказать в ответ? Что ему не нравятся девочки в очках? Расстроенный, побрел в раздевалку.

Краем уха разговор услышала Ленка Головняк. Та самая, с кривой миной. И, еще не зная Львову, уже невзлюбила ее.

Катя потихоньку втягивалась в учебу. На отлично отвечала любой урок. Кто-то из одноклассников удивлялся: откуда она столько знает? А кого-то это бесило: задается. Но была тихой, молчаливой. После уроков сразу уходила домой.

Директор, рассказав в учительской историю Львовой, попросила внимательнее к ней относиться.

– У девочки психологическая травма. Бабушка говорит, что Катя замкнулась. Дома по вечерам плачет. Никуда не хочет ходить. Надо ей как-то помочь. Ольга Васильевна, с кем Катя общается в классе?

– Львова больше с книжками время проводит. На переменах читает. С ребятами ее не замечала.

– Вот видите. А по словам бабушки, раньше она была хохотушка и активистка. Может вам поход организовать или экскурсию? Подумайте, Ольга Васильевна. Я на вас рассчитываю.

Глава 16. В пещере

В конце месяца класс пошел в местную пещеру. По легендам, в древности здесь жил медведь-оборотень, который, выходя из укрытия, превращался в человека. Встретив путника, оборотень заговаривал с ним и зазывал в гости. Входящий в пещеру пропадал навеки.

В семидесятые годы спелеологи обследовали эту достопримечательность и ничего, кроме костей вымерших животных, не нашли. Чуть позже краеведы стали водить сюда экскурсии.

Пещера представляла собой длинный лабиринт со множеством закоулков. Детям запрещалось ходить одним, дабы не заблудиться. Были здесь и низкие ходы, и высокие залы, достигающие семи метров в высоту.

Вход начинался небольшой аркой, поэтому нужно было чуть пригнуться, чтобы зайти. Экскурсовод выдал ребятам налобные фонарики и начал рассказ.

Школьники осторожно друг за другом проникали в подземное царство. Пройдя метров десять–пятнадцать, класс оказался в сводчатом зале. Остановились.

– Дальше узкий проход. Идем парами, – скомандовала классная руководительница. – Кто с кем сидит за партой, так и встаем.

Катя шла с Корчагиным. Замыкающими. Было холодно и сыро. В некоторых местах подморозило. Неожиданно девочка оступилась.

– Ой! – вскрикнула и, поскользнувшись, резко стала заваливаться на бок.

Еще миг, и Катя лежала бы на обледеневшей тропинке с травмой. Но сосед по парте среагировал быстро: подхватил за локоть и удержал.

– Спасибо, – смущаясь, поблагодарила девочка.

– Всегда пожалуйста.

Немного отстав от остальных, ребята продолжили путь. Впереди экскурсовод говорил о сталактитах и летучих мышах, но Корчагина интересовало другое.

– Слушай, я давно хотел спросить: ты случайно не та Катя, которая пять лет назад перед первым классом отдыхала у бабушки и строила замки из песка во дворе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.